

ПРОЗА АЛЕКСАНДРА СТАРОВЕРОВА

Читайте в серии:

- Бабля. Книга о бабле и Боге
- РодиНарод
- Я в степени п
- Жизнь: вид сбоку

АЛЕКСАНДР СТАРОВЕРОВ

ЖИЗНЬ:
ВИД СБОКУ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Староверов, Александр Викторович.

С77 Жизнь: вид сбоку: [сборник] / Александр Староверов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (О бабле и Боге. Проза Александра Староверова).

ISBN 978-5-699-95849-8

В новую книгу Александра Староверова вошли рассказы и повести, в которых есть одно общее свойство — предельная честность. Герои его произведений признаются в таких грехах, о которых многие предпочли бы умолчать, в таких победах, которые большинство постаралось бы спрятать. Зато и открытия, которые суждено сделать этим принципиальным правдолюбам, недоступны людям, живущим в пространстве полумер и полустин.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95849-8

© Староверов А., текст, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

| Эдем: туда и обратно |

До четырех-пяти лет я был сам по себе существо. Рос как полевой цветочек, никого не трогал, и никто не трогал меня. А ближе к пяти я увидел ЕЕ. Она перевернула мою жизнь, на протяжении последующих сорока лет она проделывала это неоднократно, причем в самые разные стороны. А первая наша с ней встреча произошла в химчистке. В очередной раз я пришел туда с мамой. Ничего меня не удивляло: зеленые обшарпанные стены, шуршащие листы серой упаковочной бумаги, груды чистого белья и одежды, дородная тетенька в неопределенного цвета халате, — все это я уже видел раньше. Но именно в тот день я впервые заметил ЕЕ. Нет, вру, сначала я заметил мохнатую коричневую веревочку. Причудливо извиваясь, она тянулась из-под прилавка, за которым стояла дородная тетка, и заканчивалась тугой петлей, опоясывающей удивительный предмет. Что-то продолговатое, желтое, с синим наконечником и острым металлическим жалом. Как я раньше не замечал такую интересную вещь — не знаю. Сейчас бы ее назвали, скорее всего, статусной, еще бы — не будут же всякий мусор привязывать красивой веревочкой. Я вообще не видел, чтобы в семьдесят шестом социалистическом советском году что-либо привязывали. Или вни-

мания не обращал. Проблемы у меня были тогда со вниманием. Но в тот день я обратил, и судьба моя, как я понял впоследствии, определилась. Люди, стоящие в очереди, относились к удивительному предмету с огромным уважением, аккуратно устраивали его в ладони, почтительно обнимали пальцами и водили им по маленьким разлинованным бумажкам, оставляя прихотливые синие следы. Только после этого люди могли получить или сдать приемщице вещи. Так, наблюдая за поразившим меня ритуалом очень рано, в свои почти младенческие годы, я понял, что в начале было слово... А точнее, ручка... Да-да, окружающие меня люди ласково называли могущественный предмет ручкой.

— Передайте, пожалуйста, ручку... не видели ручки здесь, ах вот она... что-то ручка у вас плохо пишет...

Пока мама заворачивала в серую бумагу полученную одежду, я незаметно пробрался к ручке и, скопировав жест взрослых, провел ею по лежащему на прилавке бланку заказа. Результат оказался магическим. Только что не было ничего — и вдруг черта, я провел еще раз — получился крест, еще несколько раз — снежинка, обвел снежинку по кругу — колесо от велика со множеством спиц. Ручка превратила меня в волшебника, она позволяла изменять реальность, да чего там, она позволяла эту реальность творить. Я не мог удержаться, не мог расстаться с неожиданно обрушившейся на меня силой. Ловко вытянув ручку из веревочной петли, я положил ее в карман. Несколько дней я тайно наслаждался сокровищем. Даже не рисовал, просто смотрел на нее и представлял, что рисую. Это оказалось еще интереснее, словно воровская отмычка, ручка взломала воображение, и я обрел могущество. В детском саду мы калякали что-то карандашами, да и дома у меня были краски, но до встречи с ручкой я не мог воспринять эти занятия серьезно. Видимо, мне как будущему образцовому члену обще-

ства потребления необходима была инициация. За каляки-маляки ничего, кроме снисходительного одобрения взрослых, не получишь, а за ручку давали кучу красивой и нужной одежды в химчистке, по крайней мере я тогда так думал. Фантазии современного человека стимулирует малодоступное, но такое сладкое потребление. На этом построена вся рекламная индустрия. Я опередил свое время. Осознав практическую ценность ручки, я провалился в творчество и на третий день, не удержавшись, разрисовал только что поклеенные обои в единственной комнате нашей квартиры. За каких-то двадцать минут, пока мама готовила на кухне ужин, мне удалось изобразить на стенах все свои мечты. Там ездили, стреляя огненными снопами, игрушечные танки, бежали пластиковые солдаты, мчались гоночные машины, балансировал на проволоке почти взрослый (не трехколесный) велосипед, ближе к окошку возвышалась гора конфет, покоящаяся на мощном фундаменте из нескольких коробок с зефиром в шоколаде. Вполне возможно, для стороннего наблюдателя мой натюрморт выглядел как нелепые каракули обезумевшего абстракциониста, но для меня он был самой настоящей реальностью. Реальней, чем настоящие игрушки и сладости. Более того, каждый предмет имел свою историю. Я не только изображал его — рисуя, я бормотал под нос заклинания. Вот этот танк мне подарил Дедушка Мороз, потому что я хороший мальчик и весь год слушался родителей. Он, правда, сначала не хотел дарить, имелся за мной грешок в виде разбитой хрустальной вазы, но я спас дедушку от огненного разбойника по имени Лето, закидал его снежками, превратил в снеговика и тем самым обеспечил наступление нового года. Простил меня Дед Мороз: кинул танк под елку, и конфет, и зефира любимого. А велик мне мой родной дедушка подарил, просто так, ни за что, любит потому что очень. А гоночные машины, о это отдельная история... Рисунки

смешивались с моими нелепыми фантазиями, обрета-ли плоть и становились несокрушимо настоящими. За двадцать минут комната превратилась в пещеру с со-кровищами. И только ручка смогла открыть этот вол-шебный сим-сим.

Много позже, уже взрослым, рассматривая альбом с наскальной живописью первобытных людей, я по-разился сходству их стиля с моими первыми рисунка-ми. Видимо, так и возникло искусство, параллельно с верованиями в духов и магией. Чистый и наивный охотник, инициированный каким-то поразившим его явлением, перепутал фантазию с реальностью и на-чал творить. Вкусил, так сказать, от древа познания добра и зла... По классике жанра расплата не должна была заставить себя долго ждать. Изгнание из рая и все такое. Не знаю, как у охотника, но в моем случае наказание последовало довольно быстро. В комнату вернулась мама и... Она утверждает, что первый раз в жизни отлупила меня именно тогда. Сейчас-то я ее понимаю, у самого маленький сын-мечтатель, но в тот день я жутко испугался. Я ничего не соображал. За что, почему, зачем мама так ненавидит рисунки, для чего разрушает волшебство? Как и всякий начинаю-щий творец, столкнувшийся с первыми трудностями, я тут же предал свое творение.

— Это не я, — визжал, уворачиваясь от шлепков, — я не виноват, это ручка, ручка во всем виновата...

Воистину, это был один из самых важных дней моей жизни. Вселенная решила преподать мне несколько основополагающих уроков и раскрыть главные за-коны бытия. Например, такой закон: предательство никогда не бывает эффективным. Услышав про руч-ку, мама замерла, прекратила меня бить и голосом, не предвещавшим ничего хорошего, спросила:

— Какая ручка, ты где ее взял вообще?

— Да вот, желтенькая, она в прачечной на веревоч-ке висела.

Дальше последовало изгнание из рая в буквальном смысле этого слова. Мать заставила меня пойти в химчистку, извиниться, признать себя вором и вернуть волшебную ручку. И это еще полбеды. Ужас заключался в том, что я должен был проделать все это в полном одиночестве, без ее сопровождения. То есть выйти из двери квартиры, спуститься на три этажа ниже на улицу, пройти двести бесконечных метров до соседнего дома, зайти в прачечную, отдать себя на суд чужой дородной тетеньки в неопределенного цвета халате и потом, если она меня не сдаст в милицию, тем же путем вернуться домой. По степени опасности это путешествие было сравнимо с первым полетом человека на Луну. Но намного, невообразимо во сколько раз опаснее. Шансы по итогам путешествия остаться живым, здоровым и на свободе представлялись мне минимальными. И все из-за проклятой ручки. Я просил, я умолял, я цеплялся за мамины колени и клялся, что никогда не буду больше воровать. Бесплезно, она вышвырнула меня за дверь, заперев ее на все замки. Ворота эдемского сада захлопнулись навсегда. Впереди меня ждал оглушительно страшный мир. «В слезах и поте лица своего будешь добывать ты хлеб, а в конце своих дней умрешь в мучениях». Я дерзнул, я сорвал не полагающийся мне плод познания и теперь расплачивался по полной. Конечно, я тогда так не думал, я и слов таких не знал, но чувствовал я себя именно так. Маленький и глупый потомок Адама, я шел навеки проторенной им дорогой и повторял все его ошибки. Несколько минут я рыдал у захлопнувшейся двери, стучал крошечными кулачками по коричневому дерматину и дергал за тугую рукоять замка. Ничего не помогало. В конце концов осознав, что рай потерян безвозвратно, очень аккуратно, маленькими шажками я двинулся вниз по лестнице. Никогда раньше я не выходил из дома без сопровождения взрослых. Я даже не думал, насколько страшен мир, наоборот, он мне казался дру-

желюбным и довольно милым. Ни фи́га подобного: каждый звук, каждый скрип пугал, каждая трещинка в асфальте казалась глубокой пропастью. Я маленький и слабый, любой может сделать со мной все, что угодно. И это, кстати, правда, во всех сказках детей воровали и обижали злые колдуны и колдуньи, их ели людоеды, превращали в белых лебедей, похищали разбойники, травили сонным зельем и уносили за тридевять земель. Да они только чудом и спасались. Как я преодолел двести метров до прачечной, не понимаю до сих пор. По-научному выражаясь, мною овладел экзистенциальный ужас бытия. В пять лет, постарев разом на несколько десятилетий, я почти сформулировал мой любимый закон Сартра: «Ад — это другие». Особенно жутко стало, когда на полдороге ко мне, рыдающему крупными, величиной с горошину, слезами подошла благообразная и обманчиво добрая бабушка.

— Деточка, — спросила она меня ласково, — ты почему плачешь, маму потерял, да? Пойдем со мной, мы быстро твою маму найдем. Пойдем, деточка, я тебя чаем напою с печеньем, успокоишься, вспомнишь, где мама. Я тут недалеко живу, пойдем...

Ага, как же, знаем мы таких... фильмы смотрели, сказки слушали, пускай не думает, образованные мы. Пойду с ней, а она превратится в злобную ведьму, засунет меня в духовку, запечет с чесночком и сожрет. Фигушки ей! Что есть мочи я припустил от страшной бабки и сам не заметил, как в мгновение ока оказался у двери прачечной.

Открыть дверь и войти было выше моих детских сил. До этого страшного момента не ведал я позора. Перед дверью же в химчистку почувствовал я себя грязным. Мне захотелось спрятаться, укрыться с головой одеялом, исчезнуть, раствориться, вычеркнуть свое существование и страшную ту минуту из времени. Не химчистка была за порогом, а чистилище... Только сейчас с высоты незаметно выросшей горки своих

сорока четырех годков я понимаю всю сакральность и символичность того удивительного дня. Место, где грязное становится чистым, приобретает черты легендарного райского сада, мохнатая веревочка — ветка с древа познания добра и зла, ручка — очевидное яблочко, только Евы не хватает. Хотя... дородная тетка-приемщица вполне могла стодиться на ее роль. Юноши и мужи — романтики в большей степени, чем о них принято думать, любую чувырлу гением чистой красоты объявят, особенно при наличии развитой фантазии. А еще мужчины несомненные трусы, все подвиги, совершаемые ими впоследствии, совершаются именно от трусости. Чтобы и самим себе и миру доказать ошибочность обидной гипотезы... Я испугался. И от испуга стал думать. Возможно, первый раз за свою коротенькую жизнь.

«Меня же никто не видит, — думал я, — можно просто тихонечко положить ручку перед входом и вернуться домой, а маме сказать, что извинился и был прощен. Как она проверит? Спросит у приемщицы? Так когда это еще будет, может, и не будет вообще».

Подумав, я снова испугался, на этот раз своих мыслей. Как можно специально обмануть маму? Нет, нечаянно можно, бывало раньше, но специально? Ужас сковал мои конечности, я не мог пошевелиться... Прошло сорок лет, а я отчетливо помню свои ощущения. Если двумя словами описать, то жуть и святотатство будут самыми точными словами. А еще я помню, как вместе с жутью где-то в районе горла, носа и глаз возникло у меня странное чувство, как будто чихнуть хочется, скорее, приятное. Сладенькое такое чувство... Грех, он сладок. И чем больше, тем слаще. Посмотреть на жизнь под другим углом, растоптать в себе самое святое. Если под другим углом, то, может, оно и не святое вовсе, а? Ох, как это приятно, чертовски, извращенно, невыносимо приятно... Но не для пятилетнего мальчика такие передраги... В ступор впадают пя-

тилетние мальчишки от столь сильных, не по возрасту эмоций, замирают дрожащими сусликами, врастают в землю и не могут ни на что решиться.

Я решился: аккуратно положил ручку у двери и быстро отскочил на пару шагов. Небо не упало на землю, молния не поразила меня. Я совершил преступление и остался безнаказанным. Так вот оно, оказывается, как устроено. Чтобы выжить в жестоком и страшном мире, нужно крутиться, необходимо нарушать правила, наверняка все взрослые знают и делают это, просто детям не говорят. Обманывают, чтобы послушными были до поры до времени.

Неимоверная гордость распирала меня. Я смог, сумел, я догадался, я совершил преступление и вышел сухим из воды. Да мне теперь море по колено, даже пройти двести метров до дома не страшно. Я теперь не пропаду, я как взрослые, я постиг все тайны мира, я даже лучше, у меня есть преимущество, они думают, что я маленький, глупый ребенок, а я, я... Пару минут я стоял в полнейшем восторге перед ручкой, лежащей у порога химчистки. Что-то мешало мне покинуть место моего триумфа, и тогда я снова подумал. Восхитительное ощущение одержанной победы и непоколебимое чувство уверенности в себе родили мои гордые мысли.

«А зачем оставлять ручку? — внезапно прозрел я. — Никто же ничего не узнает. Можно захватить ее с собой, спрятать, а потом тайно наслаждаться ею. Будет ручка, будет все... все, что я захочу... Накажут — не беда, выбросят игрушки — плевать, нарисую, и все будет».

Гордая мысль усилила щекочущее ощущение и превратила его в самое натуральное счастье. Я поднял с земли ручку и резво вприпрыжку бросился домой. Грехопадение было полным: быстро скатившись по наклонной плоскости, я упал с отвесной скалы. Такими темпами, не добежав до дома, вполне мог бы превратиться в убийцу. К счастью или несчастью, со мной

произошло то же, что и со всеми самоуверенными пройдохами, уверовавшими в свою безнаказанность. Тяжелая рука провидения отвесила мне мощный подзатыльник. В буквальном смысле. Чья-то лапа поймала меня за шкуру и звонко шлепнула по шее.

— Ах ты, мерзавец, — услышал я мамин голос, — самый умный, думаешь, всех объегорил? Запомни, ты от меня ничего не скроешь и никуда не скроешься. То, что ты вор, я знала, но ты, оказывается, еще и подлец. Нет, этого я не переживу. Я лучше умру, но сына подлеца у меня не будет.

Дзинь... — со звоном оборвалась только-только натянутая леска у меня внутри, и я осыпался маме под ноги. Ничего не осталось от гордого Прометея, удачно стырившего божественный огонь. Один страх, а точнее — ужас, а еще точнее — ужас и боль. Любое падение делает человека если не лучше, то мягче и понятливее. Я боялся за себя, но это был всего лишь страх. Ужас и боль появились, когда я осознал, что мама умрет и причиной ее смерти буду я. Потому что подлец. Подлез под веревочку, спер ручку и потом, пойманный с поличным, вместо покаяния снова обманул. А мама умрет, противно ей, мне и самому от себя противно, я и сам умер бы, да не знал как.

— Мамочка, не умирай, — заорал я, хватая ее за руки, — не умирай, пожалуйста, я не буду больше подлецом, я никогда-никогда не буду больше воровать, я хорошим стану, только не умирай, пожалуйста!

— Нет, умру, — безапелляционно отрезала мама. — Как же мне жить с таким сыном? Умру, и точка.

— Я все сделаю, я сам умру лучше, только ты не умирай. Умоляю, мамочка...

От затопивших глаза слез мир передо мной расплывался, мир потерял очертания. Мир исчезал, а горе оставалось. Детское, наивное и смешное, но самое настоящее, черное и беспросветное горюшко-горе. Увидев мои страдания, мама наконец сжалилась.

— Ты все понял? — изо всех сил стараюсь быть как можно более строгой, спросила она.

— Все, все, все. Я все понял, честное слово, все!

— Хорошо, тогда иди извиняйся перед тетенькой. Скажи ей, какой ты подлец и вор, верни ручку и попроси прощения.

— Один?! — с ужасом спросил я и тут же добавил: — Давай ты со мной пойдешь, рядом просто постоишь, я сам скажу, а ты рядом просто... Страшно мне, мамочка, одному...

— Страшно?! — грозно воскликнула она. — А воровать тебе было не страшно, а хитрить, вместо того чтобы попросить прощения, тебе было не страшно?! Оказывается, мой сын не только подлец и вор, но еще и трус. Нет, этого я не переживу, умру. Вот прямо сейчас возьму и умру, ничего не поделаешь, раз мой сын такой воришка.

Ужас от возможной на моих глазах смерти матери одолел огромный, но все же не такой большой страх за себя, я отцепился от маминой одежды и, как в омут с головой, бросился в двери химчистки.

Внутри было пусто, дородная приемщица за прилавком лениво перелистывала журнал «Работница» и даже не взглянула на меня. Я стоял и не знал, что делать, не хотелось ничего делать, невозможно было пошевелиться, не то что рот раскрыть. От страха снова родилась рациональная мысль. «Может, постоять тихонечко несколько минут, а потом выйти и сказать, что извинился?» Хорошая мысль, не глупая, во всяком случае, но родилась она от страха, а погибла от ужаса. Мама ведь умрет. Нельзя... Возможная смерть матери, боязнь наказания и тюрьмы образовали внутри меня взрывоопасную смесь. Она нагревалась, бурлила, в ней происходили сложные химические процессы, она распирала меня так, что и дышать уже было невозможно. В конце концов я не выдержал и взорвался невиданными до тех пор рыданиями. Я рычал, выл и

с шумом пожирал пропитанный чистящими средствами воздух, слезы из моих глаз, словно у рыжего клоуна в цирке, с напором брызгали в разные стороны. Перед собой в вытянутых, побелевших кулачках я держал ручку и сквозь рыки, рыдания и всхлипы повторял одно и то же слово:

— Вот, вот, вот, вот...

Приемщица оторвалась от журнала и обратила на меня внимание. Еще как обратила, застыла сначала от шока на несколько секунд, а потом выскочила из-за прилавка, подбежала ко мне, присела почему-то на корточки, взяла мои протянутые кулачки с зажатой в них ручкой и быстро затараторила:

— Что случилось, мальчик? Ты родителей потерял, тебя обидел кто-то? Да не плачь ты так, не ори, сейчас со всем разберемся. Ты только скажи, что случилось? Что, что, что?..

Она спрашивала — что, что, что?.. А я отвечал — вот, вот, вот... И мне кажется, это продолжалось целую вечность. Эмоциональная тетенька попалась, хорошая, добрая, заразил я ее своими слезами, тоже не выдержала, расплакалась, меня успокаивая. Так и плакали мы с ней вместе, дурацкое, думаю, зрелище, если со стороны посмотреть.

В жизни отсутствует логика, безумие и хаос правят миром. Чаще всего — злое безумие и уничтожающий все вокруг хаос, но иногда... Тогда случилось «иногда». Доброе и глупое сердце (а доброе сердце непременно глупое) подсказало дородной приемщице единственно верную модель поведения. Она проявила сочувствие, со-переживание, она пожалела меня, и я не умер от стыда и страха. Я просто орал очень долго «вот, вот, вот» и постепенно успокаивался. И она тоже постепенно успокоилась, прижала меня к своей огромной, мягкой и уютной груди, и стояли мы с ней так несколько минут, а потом она прошептала мне на ухо ласково: